

ЭРИН М. ЭВАНС

Чтобы
спасти
будущее,
придется
воскресить
прошлое

ИМПЕРИЯ ИЗГНАННИКОВ

FANZON

Эрин М. Эванс

Империя изгнанников

**Серия «Fanzon. Век магии. Главные
новинки зарубежного фэнтези»**

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74646591
ISBN 978-5-04-256423-9

Аннотация

Двадцать три года назад одержимый местью герцог поднял жестокий мятеж против империи Семилла, погубив тысячи людей. Но потерпел поражение. Герцога казнили, одного могущественного чародея заточили в темницу, а принцесса, ставшая пешкой в чужой игре, бесследно исчезла.

История империи продолжилась.

В наши дни, когда ученик писца по имени Квилл прибывает в столицу, у него нет сомнения, что он выполняет очередное скучное поручение очередного напыщенного аристократа: забрать древние артефакты из Имперского архива. Работа под началом служителя закона всегда казалась ему смертельно скучной. Но эти находки – не просто древности. Это реликвии революции, символы, с которыми герцог когда-то поднял свое восстание.

И именно в этот момент город потрясает жестокое убийство, совершенное, судя по всему, оружием, которого не видели со времен мятежа. Квилл оказывается главным свидетелем преступления, но никто из власть имущих не верит его рассказу. Чтобы докопаться до истины, ему приходится объединиться с архивистами – молодой чародейкой, опытным хранителем архивов и разочаровавшимся следователем. То, что они узнают, может стать ключом к спасению империи... или к ее окончательному падению.

«Детально проработанный и полный загадок мир, который хочется исследовать и которым хочется наслаждаться. Настоятельно рекомендую!» – Роберт Сальваторе

«На этих страницах вы в руках настоящего мастера». – Эд Гринвуд

«Герои, которых невозможно не полюбить, неожиданные сюжетные повороты и уникальный, завораживающий мир!» – Мелисса Карузо

«Прекрасно написанная и совершенно завораживающая книга, которая не только оправдала все мои ожидания, но и превзошла их». – Кэт Рэмбо

«Читателей увлекут яркие и запоминающиеся персонажи, тщательно проработанные фэнтезийные культуры и выразительный язык автора. Поклонники эпического фэнтези будут с нетерпением ждать продолжения серии». – Publishers Weekly

«Великолепный мир, захватывающие тайны, яркие персонажи и по-настоящему интересная магическая система. Эрин Эванс знает свое дело». – Говард Джонс

«Богатый и детально проработанный мир, затягивающая магия и искусно выстроенный заговор, полный судьбоносных поворотов. Здесь ничто не является тем, чем кажется на первый взгляд, а история постепенно раскрывает утраченные чувства и сомнительную верность среди большого ансамбля многогранных и вызывающих симпатию персонажей. Превосходное начало новой фэнтезийной серии автора, которое особенно понравится поклонникам Кэтрин Эддисон и любителям неспешных, сложных придворных интриг». – Library Journal

«От богатого мира и необычной культуры до уникальной магической системы и множества разумных народов – эта история постоянно удивляет. Читателей порадует то, насколько непредсказуемым оказывается каждый ее поворот». – Booklist

«Благодаря непревзойденному миру, захватывающей детективной интриге и тропу найденной семьи, который снова и снова покорял мое сердце, этот роман стал одной из тех историй, в которые хочется погрузиться с головой. Мир и персонажи, созданные автором, невероятно многослойны». – Х. М. Лонг

«Блистательное сочетание фэнтези, детектива об убийстве и политического триллера, которое с большим тактом и вниманием обращается к темам горя, посттравматического стрессового расстройства, панических атак и тревожности». – Geekly Inc

Содержание

Список действующих лиц	8
I	16
Глава первая	23
Глава вторая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Эрин М. Эванс

Империя изгнанников

© Е. Большелапова, перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Для Сьюзен

Список действующих лиц

Ахкерфи Медный: колдун куалийского происхождения.

Аллетет: богиня мудрости народа Хираджи; обладает львиной головой; повелительница дня.

Аломалия Костяная: святая народа Орозханди, чьи кости хранятся в Часовне Святых Скелетов.

Айя-нам-Вати: богиня мудрости Датонгу, обладающая змеиным хвостом.

Алзари ула Манко: родитель гнезда ула Манко, гнездовая мать Тунюка; алоджанского происхождения.

Амадея Гинтанас: старший хранитель Имперского архива (южное крыло); смешанного происхождения, в значительной части семилланского.

Апполино Уланитти: братоубийца, бывший император Семиллы; второй из старших братьев Климента.

Байан ула Манко: родитель гнезда Манко; отец Тунюка; алоджанского происхождения.

Бенедитта Уланитти: облаченная в маску императрица Семиллы и Великая Герцогиня всех протекторатов; супруга Ибрамо Кирацци; дочь Климента.

Биджан дель Толуб: специалист по корундам; смешанного происхождения, куалийского и беминатского.

Бьорни: череп рогатого кролика.

Бишамар Двенадцать Пауков ул-Ханизан: реза клана ул-Ханизан, представитель герцогской власти Орозханди; дед Нанквила; орозхандского происхождения.

Вари ула Манко: родитель гнезда Манко; гнездовая мать Тунюка; алоджанского происхождения.

Виолария Уланитти: дочь Эсперо и Сестриды, убитая Апполино.

Гаспера дель Ойофон: отставной капитан Благословенного Ордена Святых Соли и Железа; имеет прозвища Лиса Стены и Кающаяся Перебежчица; была сподвижницей Узурпатора, но потом предала его; смешанного происхождения.

Делио Машано: писец ордена Паремы и наследник Дома Машано; семилланского происхождения.

Демут Шерстяной: святой народа Орозханди, чьи кости хранятся в Часовне Святых Скелетов.

Джакопо Кирацци: покойный супруг прежней герцогини Хираджа; отец Редольфо и Турона.

Джаулия Уланитти: дочь императрицы Бенедиттты и принца-консорта Ибрамо.

Джутубай: бог мудрости народа Хираджи; обладает павлиньей головой; повелитель ночи.

Долита Шестнадцать Тамарисков ул-Бентуран: реза клана ул-Бентуран, представитель герцогской власти Орозханди; орозхандского происхождения.

Донатас Десять Скарабеев ул-Бентуран: камнетес орозхандского происхождения; отец Инии.

Джегель Соляной: святой народа Орозханди, чьи кости хранятся в Часовне Святых Скелетов.

Джинджир ула Манко: родитель гнезда ула-Манко, гнездовой отец Тунюка; алоджанского происхождения.

Зара Кирацци: герцогиня Хираджа, которая правит в настоящее время; дочь Турона и кузина Ибрамо.

Заверιο Машано: представитель древнего рода; супруг Розангерды; отец Делио; семилланского происхождения.

Зойфия Кестустис: специалист по бронзе Имперского архива; борсианского происхождения.

Ибрамо Кирацци: принц-консорт; сын Узурпатора, Редольфо Кирацци.

Иния Шесть Сов ул-Бентуран: специалист по чернилам Имперского архива; орозхандского происхождения; внучатая племянница Долиты.

Иост Шерстяной: колдун ронкуанского происхождения.

Каримо дель Нанова; писец ордена Пареми; смешанного происхождения.

Карабас Песчаниковый: святой народа Орозханди, чьи кости хранятся в Часовне Святых Скелетов.

Квилл (Сесквиллио Хайгу-лан Сепу-лай): третий сын

Дома Сепу-лай, писец ордена Пареми; смешанного происхождения, преимущественно минсеонского.

Катуция Уланитти: дочь Эсперо и Сестриды, убитая Апполино; семилланского происхождения.

Килбат Кедровая: святая народа Орозханди, чьи кости хранятся в Часовне Святых Скелетов; создатель деревянных скелетов.

Киарл: телохранитель семьи Машано; неясного происхождения.

Килфит Красочная: святая народа Орозханди, чьи кости хранятся в Часовне Святых Скелетов.

Климент Уланитти: предыдущий император Семиллы, которого Редольфо Кирацци намеревался свергнуть с престола; отец Бенедитты.

Клотильда Уланитти: бывшая императрица Семиллы; мать Климента, Апполино и Эсперо.

Королия: хозяйка кофейни, куалийского происхождения.

Кулум ула Манко: родитель гнезда Манко; отец Тунюка; алоджанского происхождения.

Ламберто Ладжонта: примас ордена писцов Пареми, настоятель Квилла и Каримо; смешанного происхождения.

Лиреана Уланитти: дочь императора Эсперо и его предполагаемая наследница; вероятно, была убита Апполино и объявлена живой Редольфо Кирацци; Принцесса, Вышед-

шая из Могилы.

Малигар Шерстяной: святой народа Орозханди, чьи останки невозможно переместить; один из деревянных скелетов в Часовне Святых Скелетов.

Мелозино Уланитти: маленький сын Эсперо и Сестриды; убит Апполино.

Михелио Уланитти: сын и наследник императрицы Бенедитты и принца-консорта Ибрамо.

Мирея дель Атсина: глава Имперского архива; смешанного происхождения, преимущественно ронкуанского.

Нанквил Четыре Ориксов ул-Ханизан: поставщик сомнительных снадобий; орозхандского происхождения.

Нонива: мать-богиня народа Аштабари.

Обиджен ула Манко: благородный консул Алоджана; родитель гнезда ула Манко; гнездовой отец Тунюка; алоджанского происхождения.

Офисида: бывшая императрица Семиллы.

Ошанна Медная: святая народа Орозханди, чьи кости хранятся в Часовне Святых Скелетов.

Падемаки Колдун: бог реки народа Хираджи; так же называется река, которая течет через все королевство.

Палимпсест (Чертовка): кошка Амадеи.

Повелитель Гор: верховное божество, почитаемое в Мин-Си, часто изображается в виде огненного столпа, окруженного тринадцатью мудрыми всадниками.

Радир дель Сендири: архивариус общего профиля, смешанного происхождения.

Редольфо Кирацци: Узурпатор; бывший герцог Хираджа.

Рича Лангвин: член Братства Бдительных Матери Ай-еми; смешанного происхождения, преимущественно датонгуйского.

Розангерда Машано: представительница древнего рода, супруга Заверию Машано; мать Делио Машано; смешанного происхождения.

Ропат Песчаниковый: святой народа Орозханди, чьи кости хранятся в Часовне Святых Скелетов.

Сенка ула Манко: родитель гнезда ула Манко; гнездовая мать Тунюка; алоджанского происхождения.

Сестрида Прамодия: супруга императора Эсперо; убита Апполино.

Сигриттрис Уланитти: советник и сенешаль императорского двора; двоюродная бабушка Бенедитты; известна под прозвищем «сторожевой пес империи».

Ставио Жеди: специалист по бронзе Имперского архива; аштабарийского происхождения.

Тойя Глиняная: святая народа Орозханди, чьи кости хранятся в Часовне Святых Скелетов.

Тунюк ула Манко: специалист по костям Имперского архива; дитя гнезда лорда Обиджена; алоджанского происхождения.

Турон Кирацци: младший брат Редольфо; хираджийского происхождения.

Уруфи ула Манко: родитель гнезда ула Манко; мать, родившая Тунюка; алоджанского происхождения.

Фазеран: бог мудрости Хираджи, обладающий головой в виде пчелы; правит в сумеречный час.

Фарас Два Песчаных Ириса ул-Бентуран: кузен отца Инии; орозхандского происхождения.

Фастреда Стеклянная (Фастреда Коротцма): колдунья борсианского происхождения; сподвижница Редольфо Кирацци.

Хентара: дневная сестра аббатства Гинтанас; хираджийского происхождения.

Хульвия Манче: имперская уполномоченная Братства Бдительных Матери Айеми; аштабарийского происхождения.

Эйсла Соляная: святая народа Орозханди, принявшая

мученический конец. Благодаря магии сродства, которой она обладала, была возведена Соляная Стена.

Эсперо Уланитти: бывший император Семиллы; старший сын Клотильды; убит Апполино вместе с Сестридой и их четырьмя детьми; семилланского происхождения.

Эшелладо Уланитти: император Семиллы, правивший в период возведения Соляной Стены.

Янава Золотая: святая народа Орозханди, чьи кости хранятся в Часовне Святых Скелетов.

I

Герцог Кирацци

*Восьмой год правления императора Климента
Дворец Сестина*

Ожидая приезда своего младшего брата, Редольфо, герцог Кирацци, проводит пятый день в полном одиночестве, довольствуясь обществом разноцветных птиц, изображенных на обоях. Редольфо вальяжно раскинулся на диване, словно одежда, которая сейчас на нем, не единственная его одежда и она не пропитана потом насквозь. Он не изнывает от нетерпения, ожидая ответа и развязки; возможно, он никогда в жизни не испытывал нетерпения. Никто не скажет, что чувства Редольфо, герцога Кирацци, легко прочесть.

Но вот, сжимая перчатки в одной руке, входит Турон, младший Кирацци. Если Редольфо надменен, Турон осторожен. Если Турон задумчив, Редольфо дерзок и смел. Братья так похожи, что их можно принять за близнецов: смуглая кожа, короткие черные волосы, в которых начали появляться серебряные пряди, козлиная бородка, постриженная по последней моде. Но Турон уверен, что является полной противоположностью брату, по крайней мере, в отношении тех качеств, которые действительно важны. Порой Турон дума-

ет, что между ним и братом нет кровного родства, что кто-то из них двоих – подменыш, а ум и жестокость, сверкающие в темных глазах Редольфо, укрепляют его в этом предположении.

Позднее все это будет иметь значение даже более серьезное, чем Турону представляется сейчас.

В данный момент внимание младшего Кирацци всецело поглощено тем, что он видит перед собой. Он находится в комнате, которая некогда служила кабинетом его отцу, потом стала кабинетом Редольфо, а ныне превратилась для его старшего брата в тюрьму. Душа его охвачена печалью и гневом, и единственная мысль, созвучная этим чувствам, слишком нелепа, чтобы произносить ее вслух.

– Позволю себе предположить, что ты до сих пор ненавидишь эти обои, – ухмыляется Редольфо.

– Ничуть. Тебе они нравятся. И это главное, – отвечает Турон, и слова эти вызывают у Редольфо хохот.

– Клянусь всеми святыми и демонами, ты до смешного предсказуем.

Турон серьезно внимает словам своего брата. Сохранять рассудительность – это все, на что он способен сейчас. В конце концов, это их прощание, и его поведение должно соответствовать моменту.

Редольфо усмехается, угрожая свести все попытки брата на нет. Турон плотно сжимает зубы, словно опасаясь, что Редольфо проникнет внутрь его существа, дабы похитить этот

настрой.

– Не желаешь ли выпить? – спрашивает Редольфо. – Не могу сказать, что меня здесь щедро снабжают хорошим вином, но в буфете имеется бутылка славного инжирного бренди. Кто-то подарил мне его в честь возведения Соленой Стены.

– Сейчас середина дня.

Редольфо бросает на брата насмешливый взгляд:

– И какое это имеет значение? Впрочем, если ты такой ханжа, можешь не пить. А мне налей.

Турон подходит к буфету, наполняет стакан и приносит брату. Сейчас, когда Редольфо ожидает палача, в глазах его нет ни малейшего проблеска страха. И ни малейшего проблеска надежды. Только надменность, та самая надменность, которая не изменяла ему никогда. Младшего Кирацци переполняет застарелый гнев, такой, что он привык подавлять, ожидая подходящего момента, дабы его выплеснуть. Зная, что этот момент не настанет никогда. Турон протягивает брату стакан, желая, чтобы Редольфо воспринял это как предложение мира, и не сомневаясь, что тот воспримет его жест как уступку. Да, Турон хочет, чтобы брат стал иным, но у того уже нет времени измениться.

Может, в империи теперь новая традиция, согласно которой братья должны перерезать глотки друг другу? Или ты вдруг обрел мужество и задумал дерзкую попытку спасения брата?

– Итак, решено, что в империи теперь новая традиция, согласно которой братья должны перерезать глотки друг другу? – осведомляется Редольфо. – Или ты вдруг обрел мужество и задумал дерзкую попытку спасения брата? Зачем ты пришел?

Турон прикусил язык, дабы удержаться от резкого ответа.

– Они думают, что ты признаешься, – произносит он. – Расскажешь мне обо всем без утайки.

– Мне не в чем признаваться, – смеется Редольфо. – Или кто-то хочет, чтобы я вновь возглавил свою стеклянную армию?

В душе Турона вновь поднимается волна гнева. «Зачем ты втянул нас в эту смуту, зачем ты сделал своего сына участником восстания, зачем превратил ребенка в оружие, – проносится у него в голове. – Тебе наплевать, что Пардия пребывает в отчаянии, а мать обрекла себя на добровольное заочение». Проходит мгновение, и ему удается подавить свою ярость. Император Климент хочет получить ответы на свои вопросы. Турон хочет проститься с братом, а не затевать ссору.

«Хотя, возможно, ссора была бы для них обоих самым подходящим прощанием», – думает он.

– Расскажи о масштабах своего заговора. О причинах, по которым ты его затеял. О своих планах и намерениях. Назови имена своих сообщников.

Глаза Редольфо сверкают – Турону хорошо известен этот

взгляд. Именно так брат смотрел, когда, еще в детстве, их отправили с визитом в Арлабекку и какие-то хулиганы чуть старше, не признав в тщедушных мальчишках наследников герцога Кирацци, сочли братьев легкой добычей. Этот взгляд был полон ярости и силы, его ответ на нападение был резким и сокрушительным. Турон был едва жив от страха, но хулиганы, рассчитывавшие на быструю победу, внезапно ощутили, как на них обрушилась вся мощь Дома Кирацци. Что касается Редольфо, он, вне сомнения, знал с первой же секунды, что без труда обратит в бегство своих жалких врагов.

– Весьма интересно, – протянул Редольфо. – Почему я должен открыть тебе хоть что-то? Приговор уже вынесен, и, даже если ты передашь Клименту мои признания, вряд ли он снимет с меня обвинение в государственной измене.

– Но мы можем попытаться.

– Попытаться. – Редольфо саркастически усмехается. Он хочет говорить, покрасоваться, дать выход своей ярости. Турон знает своего брата, как никто другой. – Они думают, я выложу тебе все, что их интересует, лишь на том основании, что мы братья. Но мы с тобой знаем, что это не так. Мы знаем, что лишь один из нас встал на путь предательства.

Турон возвращается к буфету, в котором стоит бутылка. Наливает себе бренди и подносит стакан к губам, хотя вовсе этого не хочет. Напиток кажется ему слишком сладким, мягкий привкус инжира тонет в море сахара.

– Ты все скрыл от меня, – произносит Турон, глядя на жидкость в стакане.

– Разумеется. А ты что, хотел бы стать предателем?

– Я хотел бы не испытывать изумления, узнав, что мой брат объявил себя претендентом на трон, возглавил армию и намерен совершить государственный переворот.

– «Намерен» – это такое же вялое слово, как «попытался». Я уже сказал, моей армии более не существует. – Он допил остатки бренди. – Хватит дуться. Ты не хотел быть предателем.

Турон опустил на стул, обитый пунцовым бархатом.

– А ты считаешь себя предателем? Прежде ты говорил другое.

– Какая теперь разница? – пожал плечами Редольфо.

– Император был убит своим братом. Его жена, дети – все они стали жертвами безумной жестокости братоубийцы. Мы вступили в войну – войну, охватившую всю империю, – дабы поразить убийцу и короновать Климента, младшего из братьев. По твоим словам, ты отыскал Лиреану – дочь убитого императора, которая, будь она действительно жива, имеет на трон больше прав, чем ее дядя. Даже Климент не мог бы этого оспорить.

– М-м, – криво усмехнулся Редольфо. – Однако он оспорил.

– Если все это правда, – продолжает Турон, – ты вовсе не предатель. Ты герой. Не знаю, почему ты решил, что я

не встану на твою сторону. – Он буравит брата взглядом. – Поэтому я подозреваю, что ты солгал. Насчет Лиреаны.

– Именно это хочет узнать Климент? Жива ли Лиреана?

– Да, и это в том числе.

Редольфо улыбается. Возможно, он рад встрече с младшим братом. Возможно, сознает, что это все игра. Не забывайте, он не из тех, чьи чувства легко прочесть.

– Я расскажу тебе все, что ты хочешь знать. Тебе остается только спросить.

Есть десятки тысяч слов, с которых можно начать рассказ, десятки тысяч путей, которые ведут в пылающее сердце восстания Редольфо. Но, хотя Турон Кирацци отчаянно желает отыскать путь, который поможет ему понять и простить брата, пять дней, проведенных в печали и гневе, заставили его понять – если подобный путь когда-либо существовал, ныне он безвозвратно утерян.

Итак, Турон избирает путь, на котором, как он надеется, можно спасти хоть кого-то.

– Начнем с девочки, – говорит он.

Глава первая

Восьмой год правления императрицы Бенедитты

Имперский архив

Арлабекка, столица Имперской Федерации

семилланских протекторатов

(спустя двадцать три года)

Прежде чем они оказались в Имперском архиве, где хранились все описи, планы и расписания, Квилл надеялся, что брат Каримо преувеличивает. Но, оказавшись в просторном вестибюле, по которому эхом разносился зычный голос примаса Ламберто, он вынужден был признать: люди, которые имеют дело с Кирацци, утрачивают логику и здравый смысл.

Голос примаса Ламберто был куда громче, чем голос главного архивиста; но вскоре его громовые раскаты смолкли, и Квилл догадался – оказавшись в своем кабинете, главный архивист сумела приструнить грозного посетителя. Брат Каримо окинул встревоженным взглядом внушительную лестницу, ведущую из вестибюля наверх.

– Не думаю, что она вышвырнет нас вон, – проронил Квилл.

– Ты никогда прежде не встречался с главным архивистом, – повернувшись к нему, улыбнулся Каримо. – Что до меня, я не исключаю подобной возможности. – Он вновь

устремил взгляд на лестницу. – Хотя сейчас все стало намного лучше, чем после смерти вдовствующей герцогини Кирацци. Никто не дерется, и, полагаю, никто не устраивает пожаров.

– Святые и демоны, помогите нам, – пробормотал Квилл, но Каримо уже двинулся вверх по лестнице.

За столом регистрации сидела девушка, миловидная, бледная особа в синем платье, с серебряной цепью, тянувшейся от плеча до плеча. Взгляд ее светло-карих глаз, устремленный на двух писцов ордена Паремы, ожидавших своего начальника, был одновременно задумчивым и хищным. Квилл помахал девушке рукой, и она слегка нахмурилась.

– Кто-нибудь из вас подавал запрос? – осведомилась она. – Относительно Кирацци?

– Каримо подавал, – ответил Квилл, толкнув своего спутника локтем. Каримо подпрыгнул, а Квилл многозначительно кивнул сотруднице архива. Каримо неизменно вызывал у женщин восхищение – он был хорош собой, причем внешность его отвечала представлениям о красоте, бытующим в большей части протекторатов. Темные выющиеся волосы, золотистая кожа, светлые миндалевидные глаза. К несчастью для дам, Каримо не обращал на них ни малейшего внимания, по крайней мере, до той поры, пока Квилл не заставлял его сделать это.

Вот и сейчас, проследив за направлением взгляда Квилла,

Каримо слегка поклонился. По губам его скользнула легкая улыбка.

– Не стоит флиртовать с посетителями, – шепнул он на ухо Квиллу.

– Она не посетитель, – возразил Квилл.

– Да, она архивариус, – заметил Каримо.

Квилл бросил на девушку за столом извиняющийся взгляд и слегка пожал плечами. Она, впрочем, этого не заметила, так как не сводила глаз с Каримо.

– Так или иначе у тебя есть здесь дело, и ты должен остаться, – продолжал Каримо.

– Увы, это зависит не от меня.

Практически всю противоположную стену занимала дверь, ведущая в Имперский архив, – громадная, украшенная опаловыми мозаиками. Мозаики изображали гербы и представителей всех протекторатов – стран, образующих Имперскую Федерацию, народов, чья история и мудрость хранились под надежной охраной этих массивных дверей, сиявших всеми цветами радуги.

Квилл скользнул по мозаичным изображениям взглядом. Долговязый алоджанец с костяной флейтой у губ. Женщина народа Хираджи, держит тесло и компас, косы убранны под железный обруч. Мужчина-борсианец, волнистый рельеф опала изображает завитки его светлой бороды. Женщина народа Орозханди сжимает в руках рогатый череп своего предка, слегка наклонив собственную рогатую голову.

Представительница протектората Куали опирается на пастушеский посох, лицо жителя протектората Бемина закрывает маска ягуара, в руках у него топор. Жителя Датонгу можно узнать по затейливо украшенной корзине, представителя протектората Аштабари – по многочисленным щупальцам, сжимающим иконы, значение которых ускользнуло из памяти Квилла. Мужчина из протектората Минсеон натянул тетиву лука, волосы у него гладкие, лицо светится умом. Хотя он сделан из радужного камня, он удивительно похож на старшего брата Квилла.

Десять фигур находятся внутри круга из светлого опа-ла: это Соляная Стена, которая окружает Семиллу. За пределами круга ошетинились штыками из разноцветного камня враждебная армия подменышей, сокрушительная сила, взявшаяся неведомо откуда, вынудившая все эти народы сорваться с насиженных мест и искать спасения в Семилле. Глаза, руки, зубы вражеских воинов сливаются в некую диковинную фигуру, словно подменыши постоянно меняют свое обличье. А может, так они выглядят, когда отказываются от чужих личин. Квилл никогда не видел подобных чудовищ живьем, он находился по одну сторону Соляной Стены, они – по другую.

В самом центре, разделенная двумя створками двери, находилась десятая фигура: Эшелладо, император Семиллы, который правил в ту пору, когда была возведена Соляная Стена. Лицо его скрывает императорская маска из чистого

золота.

Все императорские маски находились за этими дверьми. Архивы хранили сокровища древней Семиллы и всех ее протекторатов, все те обломки прежнего мира, которые удалось спасти и уберечь. Сокровища эти были воистину несчетными: из королевств, сожженных дотла вражеской армией, успели вывезти целые библиотеки. Храмы, посвященные мертвым богам. Воззвания и указы всех императоров. Кожу казненной королевы. Бриллианты величиной с человеческую голову. Квиллу доводилось слышать, что в архиве обитает живой мамонт, но это, конечно, было досужими выдумками.

– Сейчас ты наверняка думаешь о том, сколько здесь хранится всякого хлама? – насмешливо произнес Каримо.

– А у тебя весь этот хлам совсем не возбуждает любопытства? Положим, то, что имеет отношение к Кирацци, не представляет особого интереса, но, если ты окажешься в архиве, никто не помешает тебе заняться другими изысканиями. Вне всякого сомнения, здесь хранятся все указы императора Эшелладо о создании правительства объединенных протекторатов. Если ты скажешь, что не хочешь на них взглянуть, я решу, что твое место занял подменыш.

– Ты здесь для того, чтобы выполнить задание, брат, – покачал кудрявой головой Каримо. – Как говорится, не глазами по сторонам.

– Ну, у меня два глаза, и один я вполне могу слегка ско-

сидеть в сторону, – возразил Квилл. – Как, впрочем, и ты. Сейчас, например, ты можешь узнать, нашли ли они то, что нам нужно, и пригласить эту очаровательную девушку на чашку кофе.

– Смотри не забудь про свои собственные дела, устранивая чужие.

– Дождаться не могу, когда ты наконец соизволишь мне объяснить, что тебе мешает жить в свое удовольствие.

Каримо усмехнулся и вновь устремил взгляд в сторону лестницы.

Остаться в архиве, вне всякого сомнения, должен был именно Каримо. В течение нескольких лет он был правой рукой примаса Ламберто и пользовался его неограниченным доверием. Примас занимал высокое положение в ордене писцов Паремы, в ведении которого находилось решение всех юридических вопросов. И самому примасу, и его подчиненным приходилось немало путешествовать по Семилле, внедряя повсюду закон и порядок и помогая влиятельным клиентам избавиться от проблем. Конечно, относиться к числу приближенных примаса было весьма почетно, и родители Квилла даже не мечтали о лучшей участи для своего сына, несмотря на то что самого Квилла подобная карьера ничуть не привлекала.

Каримо, напротив, неизменно отдавал все свое внимание и силы поставленной перед ним задаче. Требования и пожелания клиента, сложности в толковании закона и способы,

помогающие этих сложностей избежать. Он очень дорожил своей работой в ордене писцов Пареми. Девиз, которым он неизменно руководствовался, порой внушал Квиллу смутную тревогу, однако в устах Каримо становился понятным и справедливым: «Закон – это то, что возвышает нас над животными, над подменышами и над самими собой. Закон – это то, что обеспечивает нашу безопасность».

И если Каримо научил Квилла ценить свои обязанности и чтить принесенную присягу, Квилл – по крайней мере, ему нравилось так думать – учил приятеля не забывать о том, что жизнь не исчерпывается работой и имеет немало иных притягательных сторон.

Каримо упорно смотрел в сторону лестницы.

«Она просто пожирает тебя глазами», – хотел сказать Квилл, но тут дверь кабинета наверху отворилась и на лестнице появились примас Ламберто и главный архивист. Квилл и Каримо вскочили на ноги. Девушка, сидевшая за столом, ограничилась тем, что сложила руки на груди.

Через несколько мгновений примас предстал перед ними. Это был человек внушительного роста, тучный, бледный, с кудрями седых волос, спадавшими из-под митры, и неизменно полуприкрытыми глазами. В отличие от Квилла и Каримо, он был не в дорожном костюме, а в парадной сутане, расшитой золотыми и пунцовыми узорами. Своим видом он неизменно внушал трепет. И выглядел раздраженным.

– Главный архивист была настолько любезна, что согласи-

лась удовлетворить наш законный и утвержденный запрос. После долгих уговоров.

Главный архивист, стоявшая у подножия лестницы, недовольно фыркнула. Эта пожилая дама носила имя Мирея дель Атсина. Седые ее косы были уложены на голове наподобие короны, узкое смуглое лицо позволяло предположить, что в жилах ее течет хотя бы малая толика крови Ронку, а суровые серые глаза свидетельствовали о том, что среди ее предков имелись уроженцы Борсии. На ней было в точности такое же синее шуршащее платье, как на девушке, сидевшей за столом, но серебряная цепь поверх ткани казалась куда более массивной, к тому же на этой цепи висел герб империи – покрытый лаком красный крест посреди переплетения ветвей.

– В следующий раз согласуйте все должным образом, и нам не придется попусту тратить время, – изрекла она.

Квилл бросил взгляд на Каримо, но тот смотрел в другую сторону. Во время путешествия в Арлабекку примас Ламберто недвусмысленно дал понять, что, чем бы Квилл ни занимался прежде, это задание может открыть перед ним новые горизонты. То было дело чрезвычайной секретности, и клиент относился к числу крайне влиятельных людей. Именно поэтому, не уставал повторять епископ, действовать надо будет весьма осмотрительно, не допуская ни малейших ошибок и просчетов.

Разрешение на работу в архиве, подписанное не секретарем императрицы, а всего лишь консулом Алоджана, лордом

Обидженом, несомненно, относилось к числу просчетов.

– Вам даже не потребуется предъявлять этот документ, – убеждал примас Ламберто своих подчиненных. – Когда вы окажетесь в архиве, нет никакой нужды пускаться в объяснения. Вы служите весьма могущественным людям, и этим все сказано.

«Да, – подумал Квилл, – примас даже не помышлял, что вопрос о допуске возникнет, как только они переступят порог архива, и повлечет за собой долгий утомительный спор с главным архивистом».

– В запросе упоминается бронза? – подала голос девушка, сидевшая за столом.

Мирея прикрыла глаза:

– Молчите, Зойфия.

– Но я лишь хотела узнать...

– Молчите!

– Вижу, в Имперском архиве, как и прежде, не слишком стремятся соблюдать приличия, – скривил рот примас Ламберто.

Лицо главного архивиста осталось непроницаемым.

– Вы знакомы с архивариусом Кестустис, ваше преосвященство? – осведомилась она, повернувшись к епископу. – Она лучший в империи специалист по бронзовым изделиям эпохи до возведения Стены и к тому же наделена весьма сильным избирательным сродством к бронзе. Когда вы сможете воспользоваться ее услугами, она, вне всякого сомне-

ния, отыщет всю нужную вам бронзу и даст каждому изделию исчерпывающее описание. Поверьте, она сумеет даже определить, в каких шахтах добывались металлы, входящие в состав сплава. Ей двадцать два года. Надеюсь, она не имела несчастья оскорбить ваше «чувство приличия».

Зойфия хотела что-то вставить, но Мирея сделала предостерегающий жест рукой.

– В любом случае, уверена, вы не потеряете время даром. Кого из этих молодых людей вы намерены оставить для работы в архиве?

По губам Ламберто скользнула кривая усмешка.

– Брат Каримо обладает немалым опытом по части подобных изысканий, и, полагаю, вы не будете возражать, если...

– Ваше преосвященство! – бесцеремонно вмешался Каримо. Квилл и примас повернулись к нему, оторопев от изумления. Никогда прежде он не позволял себе подобной дерзости.

– Если мне будет позволено высказать свое мнение, – торопливо заговорил Каримо, – то я считаю, вам следует оставить здесь брата Сесквиллио. Он весьма интересуется работой в архиве – с тех пор, как мы покинули башню ордена, он не раз говорил мне об этом. И, кроме того... – Каримо осекся. – Кроме того, сегодня и завтра вам предстоят встречи с клиентами, которые ожидают от нас решения сложных вопросов. Уверен, я буду намного полезнее, помогая вам в этой работе, в то время как брат Сесквиллио...

– Возможно, вы решите не оставлять здесь никого, – изрекла главный архивист, – и позвольте нам вернуться к нашим обычным делам.

Примас даже не посмотрел в ее сторону, взгляд его прищуренных глаз был устремлен на Каримо, он словно пытался понять, какой подвох кроется в словах писца. Каримо смело взглянул в лицо своему начальнику.

Квилл выпрямился, несколько задетый намеком на то, что он не способен оказать примасу помощь в работе с высокопоставленными клиентами. Кроме того, задание, связанное с архивами, исходило от семейства Кирацци, и то, что Ламберто примется сейчас за решение еще каких-то запутанных дел, пусть даже по просьбе богатых и влиятельных клиентов, вызвало немалые сомнения.

При всем этом он отчаянно хотел, чтобы примас внял доводам брата Каримо. Но все равно попытался возразить.

– При всем уважении к тебе, брат... – начал Квилл.

– Пожалуйста, не надо возражений. – Каримо метнул в него отчаянный взгляд. – Я же знаю, ты хочешь поработать в архиве. Поверьте, ваше преосвященство, он мечтает об этом.

Примас Ламберто, явно пребывая в замешательстве, переводил взгляд с одного писца на другого. Квилл не сомневался, сейчас он отбросит дерзкое предложение Каримо, словно неправильно составленный контракт.

– Что ж, пожалуй, все эти соображения не лишены смысла, – медленно произнес примас. – Брат Сесквиллио, ты...

проследуешь за главным архивистом в ее кабинет. Она объяснит тебе, какие правила следует соблюдать.

– Да, ваше преосвященство, – выдавил из себя Квилл, сжимая сумку, где лежали все его писцовые принадлежности.

– Позже я все объясню, – одними губами прошептал Каримо, когда Квилл проходил мимо него.

– Увидимся вечером, – бросил Квилл, не веря, что все это происходит с ним наяву. Он будет работать в архиве. Выполнять поручение семьи Кирацци. Что стало тому причиной? Возможно, какая-то натянутость, возникшая между примасом и Каримо. Некое взаимное недовольство. Но теперь это не имеет значения. Поднявшись по лестнице, Квилл взглянул вниз, но примас и Каримо уже исчезли.

Что бы там ни было, сказал себе Квилл, Каримо сумел настоять на своем.

А он, Квилл, своими глазами увидит сокровища Имперского архива.

Мирея провела его в комнату, большую часть которой занимал массивный письменный стол, покрытый затейливой резьбой, потемневшей от времени. Свет проникал в комнату через три окна, узких, как бойницы; тем не менее было достаточно светло, чтобы Квилл смог разглядеть шелковые веревки, свисающие с потолка у задней стены. К каждой веревке был прикреплен кремовый ярлык с названием, выведенным изящным почерком.

– Садитесь, – бросила Мирея, указав на стул. Квилл повиновался. Главный архивист подошла к столу:

– Полагаю, примас Ламберто предупредил – вы ни единым словом не должны обмолвиться о том, что увидите здесь.

Квилл растянул губы в улыбке:

– Все, что хочет семья Кирацци, – вернуть оказавшиеся в архиве предметы, являющиеся их фамильным имуществом.

– Вам нет нужды повторять то, о чем говорится в запросе, – покачала головой главный архивист. – Давайте говорить начистоту. Кто именно из Кирацци нанял вас?

Неужели примас Ламберто не сообщил ей даже этого, пронеслось в голове у Квилла.

– Я... полагаю, мой клиент не хочет, чтобы я называл его имя.

– Что ж, тогда это имя назову я. Ибрамо Кирацци?

Квилл нахмурился. Ибрамо, супруг императрицы, сын Редольфо Кирацци. Насколько было известно Квиллу, он никогда не был замешан ни в чем противозаконном. Откровенно говоря, он был убежден, что Ибрамо Кирацци не имеет ни малейшего отношения к тому, чем занимаются его родственники.

– Нет, что вы, – помотал головой Квилл, вытащил блокнот и открыл его на той странице, где было записано все, что ему следует знать. В дороге он тщательно скопировал эту запись из блокнота епископа. Клиент занимал столь высокое поло-

жение, что не только писцы, но и сам примас не имел права сидеть в его присутствии. Запрос составлял Каримо, но, разумеется, имя клиента не осталось тайной и для Квилла.

– Это... герцогиня Кирацци... – с запинкой выговорил он. – Новая герцогиня. Кузина Ибрамо, насколько мне известно.

– И эта новая герцогиня желает вернуть плеть Хираджа? Она полагает, это удачная идея?

Квилл был уверен, что это ужасная идея. Когда Редольфо Кирацци поднял восстание против прежнего императора, он объявил, что намерен возвести на трон доселе считавшуюся убитой племянницу монарха, Принцессу, Вышедшую из Могилы. Однако никто не сомневался, что Редольфо стремится захватить престол сам. В те дни Редольфо не расставался с плетью Хираджа, даром древних царей-богов, от которых Кирацци вели свое происхождение. Напоминание о том, что могущество его велико и выходит за пределы Семиллы.

– Мне неизвестно, что думает герцогиня эсинора. Не мне судить, считает ли она эту идею удачной, – уклончиво ответил Квилл. И тут же добавил: – Полагаю, плеть нужна ей для Наложения Печати. Тому, что вскоре состоится в храме дворца Сестина.

– Но она хочет получить не только плеть... – Мирея взяла запрос и принялась перечитывать каждую страницу. – Она требует также священную книгу под названием «Поучения Аб-Хару», которая сорок лет назад была запечатана крестом

Хираджа. А также протез руки, – оторвавшись от чтения, Мирея бросила на Квилла пронзительный взгляд, – сделанный из кости и кожи, некогда принадлежавший покойному Джакопо Кирацци. Две бронзовые статуи, изображающие королей Хираджа, принадлежавших к династии Бикоро: одна в головном уборе, украшенном тремя перьями, другая – в короне с изображением скорпиона. Для чего ей понадобилось все это?

Квилл нахмурился. В его записях значилось только три предмета. Святые и демоны, неужели, делая копию, он что-то пропустил? Или Каримо по ошибке включил в запрос нечто лишнее?

– Статуи? Вы уверены, что она требует статуи?

– Более чем уверена!

Квилл захлопнул тетрадь, пытаясь погасить подступающий приступ паники. Разумеется, Каримо не мог совершить такой промах. Это он, Квилл, оказался последним раззявой и пропустил пункт о статуях. Прав был Каримо, когда советовал ему не глазеть по сторонам. Как выяснилось, все, на что способен Квилл, – провожать клиентов в кабинет примаса.

– Судя по всему, в мои записи вкралась ошибка, – произнес он дрожащим голосом. – Боюсь, брат Каримо был прав, считая меня не слишком внимательным. – Квилл виновато улыбнулся. – Но, говоря откровенно, герцогский титул отнюдь не является свидетельством того, что его обладатель наделен здравым смыслом. К тому же мы стараемся не со-

вать нос в частную жизнь клиентов.

– Даже когда речь идет о Кирацци?

Квилл набрал в грудь побольше воздуха и выдал тираду, которую слышал от Каримо:

– Семья Кирацци полностью выплатила обществу все свои долги. Они столь же законопослушные жители империи, как и мы с вами. И хотя большая часть предметов, о которых идет речь, была конфискована вместе с прочим имуществом казненного Редольфо Кирацци и является достоянием империи, плеть Хираджа остается собственностью особ королевской крови, царствовавших прежде.

– Я знаю, что закон способен на множество уловок, – вздохнула Мирея. – Полагаю, вам не хуже моего известно, сколь велика важность этого предмета.

– Запрос получил одобрение, – напомнил Квилл, сложив руки на груди.

– Да, он подписан лордом Обидженным, который готов подписать любую бумагу – из политических соображений или ради собственной выгоды. Он хочет обнести империю второй стеной. Возможно, рассчитывает, что герцогиня Кирацци в знак благодарности подарит ему изрядный участок земли, прилегающий к Сестине.

Главный архивист испустила тяжкий вздох, подошла к синим шелковым веревкам и взяла в руку три из них.

– Хотя примас считает нужным делать вид, что ничего особенного не происходит, я уверена, что и орден Паремии,

и семья Кирацци прекрасно отдают себе отчет: вы вознамерились разворошить гнездо шершней, да еще посреди зимы, – произнесла она. – Возможно, все обойдется. Возможно, шершни, вылетев из гнезда, перекусают множество людей.

– Мы вовсе не хотим этого, – покачал головой Квилл.

Но он знал, что главный архивист права. Об этом знали все, включая членов семьи Кирацци. Никто не решался произнести имя Редольфо Кирацци тоном, в котором звучала хотя бы нотка уважения, – из страха, что его немедленно обвинят в государственной измене или в ином преступлении. Не имело никакого смысла представлять запрос, о котором шла речь, ординарным непримечательным делом. Впрочем, исходи этот запрос не от Кирацци, возможно, в нем не было бы ничего из ряда вон выходящего. Долг прежде всего, напомнил себе Квилл. В конце концов, кто он такой, чтобы высказывать свое мнение.

– Эсинора, мне хотелось бы выполнить порученное дело как можно быстрее и более не докучать вам, – отчеканил он.

– Вы полагаете, здесь, в Императорском архиве, все легко и просто? – Главный архивист усмехнулась. – И сейчас мы быстренько пройдемся вдоль полок, уставленных коробками, и достанем все, что вам требуется?

– Я не смею даже вообразать себе, как происходит работа в архиве, эсинора, – слегка помешкав, ответил Квилл.

– Хм-м, – протянула она. – Я так полагаю, до вас доходило

немало слухов. Например, о мамонте, верно?

Квилл помедлил с ответом.

– Вы хотите сказать, что все эти слухи не соответствуют истине? – наконец произнес он.

– Если когда-то они и соответствовали истине, сейчас многое изменилось, – покачала головой Мирея. – Я сама не знаю точно, что у нас хранится. В течение веков в наш архив поступали письма, документы и сокровища, принадлежавшие всем императорским величествам, всем королям, королевам и герцогам, правителям и военачальникам – словом, всем, кому удалось спастись от подменышей. Не всем особам императорской крови был открыт доступ сюда. Не у всех особ императорской крови имелись архивисты. Сейчас скачки близятся к середине, а нам было позволено начать на полпути, и кто-то постоянно швыряет тухлые помидоры нам под ноги. Вы хотите увидеть то, что имеет отношение к истории, случившейся двадцать три года назад. Но некоторые из моих сотрудников по сей день занимаются описью предметов и документов, которые относятся к эпохе до возведения Стены.

Квилл был изумлен и чувствовал, что изумление это отразилось на его лице. Более ста лет прошло с той поры, как строительство Соляной Стены было завершено. Неужели еще не все документы, которые относятся к столь древним временам, внесены в описи? Он задумался о том, сколько же Кирацци им платят за день исследований.

– Полагаю... ваша осведомленность столь велика, что най-

ти имущество Редольфо Кирацци не составит для вас труда, – пробормотал он.

– О, не надо ломиться в открытую дверь, – изрекла Мирея. – Я не намерена томить вас в ожидании. Не скрою, ваше присутствие здесь относится к числу досадных помех, и, как это ни печально, вы будете путаться у нас под ногами достаточно долго. Но ваш примас хочет получить все и сразу и имеет на это законное право. – Она всмотрелась в лицо Квилла: – Вы никогда не встречались с Ибрамо Кирацци? Можете в этом поклясться?

Квилл слегка выпрямился:

– Нет, я не видел его ни разу в жизни, клянусь. Но почему это имеет для вас такое значение?

Главный архивист кивнула и три раза резко дернула за веревку, висевшую посередине.

– Никакого значения, ровным счетом никакого, – пробормотала она, – если только этот запрос действительно не имеет к нему отношения.

Хотя Квилл ничуть не покривил душой, он испытывал мучительную неловкость. Ему оставалось сложить руки на коленях и терпеливо ждать, когда легендарный Имперский архив распахнет перед ним свои двери.

Официально Амадея Гинтанас занимала должность старшей хранительницы Имперского архива (южное крыло). Но это название мало что говорило о характере ее деятельности.

Сама она предпочитала называть себя «человеком, который решает проблемы».

Выполнение служебных обязанностей требовало от Амадеи многочисленных навыков, знаний и умений. Она свободно владела четырьмя языками и могла читать еще на шести, включая несколько древних языков эпохи до возведения Стены. Именно к ней обращались, когда требовалось перевести рукописи, относившиеся ко времени возникновения династии Кирацци. Она знала, как уберечь ценные предметы от губительного воздействия времени. Взглянув на глиняный сосуд, плетеную корзинку или покрытый резьбой камень, она моментально определяла, к какому периоду они относятся. Она могла представить, как выглядели лица святых скелетов Орозханди, ей были известны не только имена тринадцати мудрых всадников Мин-Си, но и фасоны их одеяний. К тому же она могла починить колченогий рабочий стол, заклеить разорванный переплет и заставить работать борсианскую магическую панель, даже не коснувшись ее пальцем.

Амадее были известны все скрытые возможности и особенности ее сотрудников, она знала, как привести их в чувство, когда их магические силы выходили из-под контроля и начинали своевольничать. Она умела варить превосходный кофе, знала, как успокоить тоску, душевную боль, печаль и стыд и внушить, что все прекрасно.

Но Амадея не знала, как поступить с черепом кролика,

который лежал на ее столе.

– На этой неделе он уже в восьмой раз приносит в мой кабинет нечто подобное, – заявил Радир, один из новых архивариусов. В его темных, затененных длинными ресницами глазах полыхал гнев. – Он сунул это под мой стол. Когда я хотел сесть, увидел, как эта... эта гадость на меня скалится.

Амадея задумчиво рассматривала череп, острые выступы рожек, хищно оскаленные зубы. В холодном свете лампы глазные впадины загадочно посверкивали и странные тени играли на пористой поверхности кости. У основания рожек кость была чуть тронута золотом. Значит, этот череп был преподнесен в дар кому-то из предков Орозханди. Учитывая, как тонок слой позолоты и как заметны следы клея, подарок не из дорогих. Вид у черепа был крайне враждебный и зловещий.

– Может, эта штукавина просто выпала откуда-нибудь? – предположила Амадея.

– Откуда? – пожал плечами Радир. – Прошу вас, назначьте меня куда-нибудь в другое место. Мне все это надоело.

– А где сейчас Тунюк? – осведомилась Амадея, сложив руки на груди.

– В Хранилище Костей, – ответил Радир, слегка замешкавшись.

– По существующим правилам его нельзя оставлять там в одиночестве, – напомнила Амадея.

– Но он, судя по всему, чувствует себя наилучшим обра-

зом. – Радир потер затылок. – Сейчас кризис остался позади.

– Это замечательно, – согласилась Амадея. – И ты поступишь чрезвычайно разумно, если будешь следить за ним.

– Какая в этом необходимость, если он уже не во власти спирали?

– Не забывай, каждый сотрудник, наделенный избирательным сродством, может быть затянут спиралью в любой момент. Ты знаешь об этом не хуже, чем я.

Радир покачал головой:

– Если я посоветую ему отправиться на прогулку, он весь день просидит в четырех стенах. Он меня ненавидит. А я... Я хотел бы остаться здесь, но не представляю, как со всем этим справиться. Возможно, я недостаточно умен и сведущ. Он хочет, чтобы вы постоянно были рядом, и все время твердит об этом.

Тут колокольчик, висевший на стене, пронзительно зазвенел. Амадея прижала ладонь к правому виску:

– Тебе следует напомнить Тунюку, что у меня немало других дел.

Радир испустил тяжкий вздох и негромко произнес:

– Боюсь, он может намеренно войти в спираль – лишь для того, чтобы вынудить вас уделять ему побольше внимания.

Амадея понимала, что такой поворот весьма вероятен, и это не могло не тревожить ее.

– Тунюк прекрасно знает – если он позволит себе нечто подобное, он будет изолирован, – произнесла она, выходя

из-за стола. – У него доброе сердце, но он раздражителен и вспыльчив, даже когда пребывает в наилучшем расположении духа. А после месяца, проведенного во власти спирали, он отнюдь не в лучшем расположении духа. – Амадея ощущала, как собственные слова царапают ей сердце, пробуждая воспоминания о том, каким был Тунюк месяц назад, когда он корчился во мраке и костяная табличка, прикрепленная к его коже, лишила его возможности двинуться с места.

– Месяц – это значительный срок, – продолжала она, разговаривая не только с Радиром, но и сама с собой. – Полагаю, сейчас его уже можно оставлять наедине с костями, хотя, конечно, ненадолго. Думаю, это пойдет ему на пользу. Но ты по-прежнему необходим ему.

– Он не ценит того, что я делаю.

– Сейчас он – это не он, – напомнила Амадея. – А наша работа заключается в том, чтобы помогать специалистам преодолеть кризис, когда они не способны сделать этого сами. И смириться с тем, что они не в состоянии оценить нашу помощь.

– Дерьмовая работенка, – проговорил Радир.

– Согласна, порой иначе не скажешь. Но кто-то должен этим заниматься. – Амадея испустила тяжкий вздох. – Разумеется, Хранилище Костей – не слишком подходящее для тебя место. Я постараюсь найти для тебя что-нибудь другое, но на это требуется время. Ты прекрасно понимаешь, если Тунюк и способен сейчас работать в одиночку, то лишь

недолго. Я пойду поговорю с ним. Если подобные выходки будут продолжаться, непременно сообщи мне об этом.

Колокольчик на стене снова зазвонил. Амадея взяла лежавший на столе кроличий череп:

– Ступай. Прогуляйся на свежем воздухе. Выпей чашечку кофе с пирожным или повидайся с девушкой, за которой ухаживаешь. А я пойду узнаю, что от меня хочет Мирея. Потом верну на место эту штуковину и поговорю с Тунюком.

Радир вышел из комнаты. Амадея последовала за ним. На несколько мгновений она задержалась у зеркала, висевшего на стене, дабы проверить, все ли в порядке с ее лицом. Несмотря на то что она всегда была очень аккуратна, на ее лбу и над правой бровью проступили пятна фиксатора для волос. Амадея, смочив слюной кончик носового платка, потерла пятна, заметив при этом, что в волосах ее появились новые серебряные нити. Тихонько выругавшись, Амадея вырвала седые волосы.

«Ты слишком стара, чтобы быть тщеславной», – сказала она себе, ибо считала, что именно так должны думать все вокруг. Сама она думала иначе. Бросив в зеркало еще один беглый взгляд, Амадея вышла в коридор. Опустила свободную руку в карман, открыла лежавшую там крохотную жестяную коробочку и извлекла комочек ароматного пчелиного воска. По пути она грела его в ладони. Все сотрудники архива тщательно мыли руки прежде, чем коснуться ценных предметов, благодаря ухищрениям древней магии в архиве

всегда было сухо и прохладно. Для ценных экспонатов это, конечно, было благом, а для человеческой кожи – бедствием. Амадея сокрушенно взглянула на свои пальцы, покрытые заусеницами, и принялась разминать воск еще яростнее, большим пальцем втирая его в кожу. Потом она переложила кроличий череп в другую руку, чтобы втереть воск в освободившуюся ладонь.

«Тщеславная, тщеславная, тщеславная!» – мысленно твердила она, идя по коридору, мимо многочисленных дверей, украшенных затейливыми металлическими решетками. За каждой из этих дверей работали сотрудники архива, хранители несметных сокровищ. Когда цивилизация отступила под натиском армии подменышей, все, что имело ценность, было привезено в Семиллу. За пределами Соляной Стены лежало в руинах то, что осталось от прежних стран и королевств, но доказательства того, что они когда-то существовали, бережно хранились в Имперском архиве.

Амадея глубоко вдохнула, вместе с воздухом наполнив грудь пылью, ароматом прошлого и обещаниями. Она оказалась у железной лестницы, ведущей вниз, на главный этаж. Да, порой на ее долю выпадала дерьмовая работенка, но, как правило, Амадея не имела ничего против.

– Она тебя вызвала? – спросила Зойфия, когда хранительница вошла в приемную. – Тебе известно, что она передала Ставио мою бронзу? – Высокий голос Зойфии нервно дрожал. – Оказывается, у нас есть бронзовые статуи династии

Бикоро, еще не внесенные в каталоги! Я их в глаза не видела, а Ставио...

– Тебе тоже доброго дня, Зойфия, – перебила ее Амадея. – Тут важно знать, кто...

– Если ты спрашиваешь, кого изображают статуи, то, скорее всего, королеву династии Бикоро и принца-консорта...

– Но я хотела спросить совсем о другом! Кто сделал запрос, вот что меня интересует.

Женщина вперила в Зойфию пристальный взгляд.

Когда Амадея оказалась в архиве впервые, она отчаянно завидовала работавшим здесь специалистам. Цели, стоявшие перед ними, были четкими и ясными. Конечно, они мало походили на колдунов из древних легенд и преданий, и все же их работа напоминала колдовство; все они были наделены искусством «разговаривать» с металлами, драгоценными камнями, чернилами и костями. Каждый материал отвечал своему специалисту, сообщая необходимые сведения и даже подсказывая, какие манипуляции допустимы, а какие – нет. Но ныне специалисты утратили это искусство, некоторые полностью, иные в значительной степени. Иногда избирательное сродство, существующее между архивариусом и предметом, который он исследовал, было так слабо, так прерывисто, что до специалиста доносился лишь прерывистый шепот – «да, я тебя знаю».

Но когда они достигали пика своих способностей и поворачивались лицом друг к другу, магия обретала алчность и

становилась опасной. Специалисты по бронзе, обладая всей силой избирательного сродства, могли отыскать булавку в грязной луже, починить сосуд, отлитый тысячу лет назад. Более того, достигнув глубокого единения со своим материалом, они были способны уговорить олово и медь слиться воедино, и, подобно древним колдунам, сотворить нечто новое. Но каждое действие, каждая попытка требовали усиления избирательного сродства, и, если специалист не был достаточно осмотрителен, его затягивал новый виток магической спирали, влекущий к полному слиянию с материалом, который в конце концов поглощал человека раз и навсегда.

Стоит ли говорить, что перед Амадеей стояли две чрезвычайно сложные задачи: следить за тем, как действует избирательное сродство, и удерживать наделенных им специалистов от полного слияния. Про себя она отметила, что пальцы Зойфии беспрестанно барабанили по столу, а в голосе ее звучат зловещие нотки безумия. Помимо бронзовых статуй, в мире для нее не существовало ничего достойного внимания.

– Как ты себя чувствуешь? – осведомилась Амадея.

– Прекрасно, – ответила Зойфия, потряхнув своими растрепавшимися кудрями.

Иногда хранительнице казалось, что ее подопечные твердят эти слова как заклинание. «У меня все прекрасно». Я утратил представление о собственной личности, я превращаюсь в неодушевленный предмет, но у меня все прекрасно. Я провел всю ночь поедая стекло и разговаривая с костями, но

у меня все прекрасно. Я постепенно превращаюсь в золото и притягиваю деревья сквозь половицы, но у меня все прекрасно.

– Ты сегодня завтракала? – спросила Амадея, пытаясь заглянуть Зойфии в глаза и понять, насколько широки ее зрачки и какого цвета роговица. Никаких бронзовых крапинок она не заметила, и это было хорошим признаком.

– Тебе лучше поспешить, – заметила Зойфия. – Мирея хочет, чтобы ты помогла этому писцу из ордена Пареми. Было еще два – старый толстяк, который, судя по всему, вообразил, что здесь можно действовать криком и угрозами, и молодой красавчик, занудный, как нотариус в театральной пьесе. Но эта парочка убралась восвояси. Тот, что остался, тоже молодой, но низкорослый и невзрачный. Да и имя у него какое-то дурацкое. Сейчас он у Миреи. – Несколько мгновений Зойфия молчала, прикусив губу, но наконец добавила: – Этот писец Пареми работает на семью Кирацци. Думаю, тебе следует об этом знать.

Грудь Амадеи болезненно сжалась; тревоги, связанные с Зойфией, внезапно улетучились, уступив место новым.

– Ох, – выдохнула она, и через мгновение повторила: – Ох! – словно это могло что-то исправить.

В памяти ее всплыли строчки письма. «Прошу, не сомневайся во мне. Любовь и уважение, которые я к тебе питаю, останутся неизменными. Здесь, за Стеной, нет такой силы, которая заставила бы меня изменить свои чувства к тебе,

моя дорогая».

– Какая неожиданность, – произнесла она, откашлявшись. – И что хотят получить Кирацци?

– Много всего. Разную ерунду. И среди прочего – бронзовые статуи. Если Мирея поручит Ставио заняться ими... – Зойфия осеклась. – Единственное, что я могу утверждать с уверенностью: заказчик не Ибрамо. Будь это он, Мирея ни за что не вызвала бы тебя. Со мной она бывает сурова до бессердечия, но с тобой...

– Так или иначе мне придется иметь дело всего лишь с писцом из ордена Паремы, – перебила Амадея. «Кто мог рассказать Зойфии, что Ибрамо Кирацци играл в моей жизни особую роль», – вертелось у нее в голове. И что именно открыл этот неведомый рассказчик?

«Любовь не в силах выдержать натиск реальности, и мое прошлое таит в себе слишком много опасностей. Брак с Бенедиттой мог бы изменить многое». Строчки письма упорно стояли у нее перед глазами.

– Уверена, этому писцу можно найти другого помощника, – долетел до нее голос Зойфии. – Совершенно не обязательно, чтобы им занималась именно ты. Если хочешь, я могу...

– Зойфия, у тебя достаточно своих обязанностей, – поспешно возразила Амадея, выныривая из омута воспоминаний. – Спасибо тебе за заботу. Не сомневайся, я непременно напомним Мирее, что ты хочешь участвовать в поиске брон-

зовых статуй. Когда будешь к этому готова. То есть не сегодня. – Она указала на череп: – Можно я оставлю это у тебя?

Зойфия, судя по всему, впервые заметила череп рогатого кролика:

– Зачем ты притащила его сюда?

– Это нужно спросить у Тунюка.

Прежде чем Зойфия успела предложить ей очередную услугу, Амадея выскользнула в дверь и поднялась по лестнице, которая вела в кабинет главной хранительницы архива.

Мирея дель Астина сидела за столом, составляя перечень для специалистов. Напротив нее ерзал на стуле юнец, который, судя по всему, и был тем самым писцом Пареми. Он был так невероятно молод, что у Амадеи мелькнуло сомнение: неужели этот мальчишка с простодушным взглядом является представителем могущественного ордена? Но он сидел здесь, в кабинете главного архивиста, его черные волосы были гладко зачесаны и собраны на затылке в затейливый узел. Он улыбался во весь рот и напомнил Амадее жизнерадостного щенка. Надо же, подумала она, даже Зойфии не удалось испортить ему настроение.

– Амадея, это брат Сесквиллио, – произнесла главная хранительница. – Квилл, это Амадея Гинтанас, одна из наших наиболее сведущих сотрудниц.

Юнец вскочил со стула, в его темных узких глазах заплясали искорки.

– Рад познакомиться с вами, – выпалил он, сжимая руку

Амадеи. — Оказаться здесь — это большая честь для меня.

— Я тоже рада знакомству, — ответила Амадея и добавила, повернувшись к главному архивисту: — Зойфия упомянула, что запрос исходит от семейства Кирацци?

— Да, от герцогини. — Мирея протянула Амадее перечень, взгляд ее был исполнен тревоги. — Выполнение этого запроса может повлечь за собой серьезные трудности. Вам понадобится помощь Инии, Тунюка, Биджана и Зойфии — когда она полностью придет в себя.

Амадея перевернула страницу, выхватив глазами слова «плеть Хираджа».

У нее перехватило дыхание. Из глубин памяти внезапно выплыла мучительно яркая картина: Редольфо, отец Ибрамо, с плетью в руках, надвигается все ближе. Лиреана скорчилась на полу, на ковре, роскошном алоджанском ковре; она в тысячах миль отсюда и в то же время достаточно близко, чтобы слышать звяканье каменных бусин при каждом взмахе плети. А потом раздается крик Ибрамо, отчаянный, пронзительный крик...

Амадея сделала над собой отчаянное усилие, чтобы не вздрогнуть.

— Плеть? — переспросила она.

— Вы сами понимаете, нам не дано знать, какими соображениями руководствуется герцогиня, — отчеканила Мирея. — Брат Сесквиллио полон желания помочь вам. К тому же он должен убедиться, что мы сделали все, дабы выполнить тре-

бования примаса, главы ордена, к которому он принадлежит. У меня создалось впечатление, что примас уверен – за нами нужен глаз да глаз, иначе мы пустимся в бега, прихватив с собой доверенные нам сокровища. В любом случае найдите этому молодому человеку подходящее занятие. Надеюсь, его патрон более не удостоит нас своим посещением.

– Понятно, – кивнула Амадея, хотя это утверждение отнюдь не соответствовало истине. По пути в вестибюль она пробежала глазами документ, который ей вручила главный архивист. Во всех делах, к которым имел отношение Редольфо Кирацци, никогда не было ничего понятного.

Амадее удалось отогнать призрак прошлого прежде, чем он успел поднять целую бурю воспоминаний. Запрос – это всего лишь запрос. К чему приведет его выполнение – с этим пусть разбираются чиновники, в ведении которых находится Имперский архив, а не она, Амадея Гинтанас. У подножия лестницы она резко повернулась и встретила вопросительный взгляд писца ордена Паремии, который следовал за ней по пятам.

– Брат Сесквиллио...

– Прошу, называйте меня Квилл, – перебил он. – Если я буду помогать вам, не стоит обращаться ко мне так официально.

– Хорошо. – Она никак не могла придумать, какое задание дать мальчишке, совершенно несведущему в архивной работе. Разве что поручить ему переписать какие-нибудь ве-

домости или реестры. Мысленно она подсчитывала, сколько времени займет выполнение запроса. И все это время ей придется чем-то занимать этого юного соглядатая, а точнее сказать, заложника. Иначе его патрон, примас, явится сюда, чтобы устроить Мирее скандал.

– Возможно, мне следует устроить вам небольшую экскурсию по архиву, – не слишком уверенно произнесла она.

– О, это было бы восхитительно! – просиял Квилл. – Из разговора с главным архивистом я понял, что нам предстоит чрезвычайно сложное дело. Как здорово, что у меня все же будет время увидеть здесь все.

Святые и демоны, он до смешного молод, вздохнула про себя Амадея. Экскурсии по архиву были довольно обычным делом – здесь имелись залы и часовни, предназначенные для публики. Влиятельным посетителям, проявлявшим особый интерес, Мирея позволяла показывать даже хранилища, если она в тот день не пребывала в скверном расположении духа. Правда, договаривались о подобных экскурсиях заранее, как правило, за несколько месяцев. К тому же у Амадеи и без этого юнца было слишком много забот. Возможно, решила она, следует найти сотрудника, который сможет им заниматься.

– Увидеть все не получится, – поправила она. – Только кое-что.

Подойдя к столу, она взяла череп рогатого кролика.

– Идем. – Амадея приоткрыла одну из тяжелых дверей

и пропустила Квилла вперед. Мысленно она прикидывала, что именно можно ему показать. Пожалуй, стоит ограничить экскурсию четырьмя залами, имеющими непосредственное отношение к запросу Кирацци. Если Квилл познакомится со специалистами, он, несомненно, проникнется к ним доверием и будет счастлив, что ему позволено находиться рядом с такими знатоками. Итак, прежде всего они отправятся в Хранилище Костей, решила она, и вновь двинулась вверх по железной лестнице. Кстати, надо будет забрать оттуда Тунюка. Затем мастерская Биджана. После библиотека Инии. Все они расположены поблизости друг от друга. Что касается кладовых, где хранится бронза, они сейчас заперты и...

Поднявшись на верхнюю площадку, Амадея остановилась.

– Когда мы проходили через приемную, вы видели Зойфию? – обернулась она к своему спутнику. – Она сидела за столом?

Вопрос привел Квилла в недоумение, граничащее с испугом.

– Белокурая девушка? – переспросил он. – Нет, мне кажется, ее не было. А что, я должен был ее увидеть?

Амадея окинула взглядом лестницу. На площадке третьего этажа, где хранилась бронза, мелькнула светловолосая макушка. Женщина мысленно выругалась.

– Что-то не так? – спросил Квилл.

– Все хорошо, – заверила его Амадея, направляясь к Хра-

нилищу Костей. – Но нам нужен еще один сотрудник, который познакомит вас с архивом. Идемте быстрее, прошу вас.

Глава вторая

Иния Шесть Сов ул-Бентуран жила самостоятельно уже пятый год, но, если бы вы решили расспросить о ней ее родных, возможно, они сказали бы, что это всего лишь недоразумение.

Накануне реза ул-Бентуран приехала в Арлабекку, и Иния отправилась на обед в дом дальней родственницы, у которой остановилась реза. Двоюродная бабушка Инии, Долита Шестнадцать Тамарисков ул-Бетуран, в течение девятнадцати лет возглавляла клан, вышедший из каньона Бентуран, твердой рукой направляя его к процветанию и единолично принимая решения, неизменно продиктованные здравым смыслом и благочестием. Волосы ее убелила седина, рого закрутились вокруг ушей, но она по-прежнему вершила судьбы тех, кто носил имя ул-Бентуран, и никто не осмеливался ей перечить. Иния знала, старуха гордится тем, что из семьи ул-Бентуран вышел атнашингуи, знаток, «наполовину благословенный». Орозханди, народ, к которому принадлежала Иния, считал избирательное сродство великим даром Бога Небес и Бога Подземелья.

Однако до сей поры никто из Орозханди не был наделен даром сродства с чернилами. Иния стала первой и единственной, и реза Долита не сомневалась – произошла досадная ошибка, причины которой необходимо выявить.

– В последнее время твои способности испытывали, используя краски? – спросила реза Долита, когда обед был закончен. Иния заерзала на стуле.

– Нет, реза, – ответила она и мысленно добавила: «В этом нет никакой необходимости». Краски – это не чернила, чернила – это не краски. Реза Долита уверена, что представители народа Орозханди не могут иметь избирательного сродства с чернилами, однако факт остается фактом, и никакой ошибки не произошло.

– Полагаю, тебе следует помолиться Святой Килфит, – непрерываемым тоном изрекла Долита. – Возможно, тебе стоит сделать ее своей личной покровительницей.

Иния сложила руки на коленях, с трудом подавив желание коснуться амулета, свисавшего с одного из ее рогов. Это был соляной кристалл Святой Эйслы, повелительницы Соли, мученицы, которая возвела Соляную Стену, защитившую Семиллу и ее протектораты от нашествия подменышей. Конечно, Святая Килфит, повелительница красок, была почитаема не меньше.

Но это не повод для того, чтобы менять покровительницу.

– Вашими устами вещает мудрость, реза, – произнесла она вслух. – Долго ли те, кто остался в Макваме, будут вынуждены обходиться без вас?

– Я намерена вернуться послезавтра, – сообщила Долита. – Лорд Обиджен полагает, будто настолько затуманил мой разум своими сладкими речами, что я одобрю его кощун-

ственное намерение проделать в Стене дыру и выдать ее за повреждение, оставшееся со времен войны.

Старуха покачала головой, выражая величайшее неодобрение, и несколько раз мигнула третьим, ночным глазом, расположенным посреди лба.

– Конечно, я не намерена участвовать в этом отвратительном политическом маневре. И я скажу ему без обиняков – весь ул-Бентуран глубоко огорчен тем, что он осмелился потревожить Святую Эйслу, а также Мучеников Соли и Железа. Будь моя воля, его «Вторая Стена» неминуемо оказалась бы на свалке истории. Высказав ему все это, я вернусь домой. – Реза сложила руки на груди и наклонилась к Инии: – Вот еще что. Может, ты обладаешь сродством только с черными чернилами, произведенными из костей? Кто-нибудь проверял это? Ты молилась Святой Аломалии?

Иния осталась ночевать в доме родственницы. Когда сумерки сгустились, Долита превратилась для нее в сгусток тепла, ибо именно так воспринимал ее ночной глаз Инии. Какая резка позволила бы молодой девушке поздно вечером идти по городу, полному опасностей? Так что, разумеется, Иния покинула гостеприимный дом только утром. Простившись с резой и хозяйкой, она вернулась в архив с приказом молиться шести святым, которым она не молилась прежде, и твердым намерением поговорить с кое-кем живым.

Иния отыскиала Тунюка в комнате, которую все они называли «Хранилище Костей». Он, сгорбившись, сидел за сво-

им рабочим столом. В свете борсианских ламп, голубоватом и тусклом, его трудно было разглядеть – кожа, темная, как у всех представителей народа Алоджан, сливалась с царившим в комнате сумраком. Подняв блестящие глаза от подноса, на котором лежали костяные и каменные бусины, он вперил взгляд в девушку.

– Если Амадея прислала тебя сделать мне выговор, прежде верни кроличий череп, – произнес он своим звонким голосом. – И сразу скажу, Радир лгун и обманщик. Я его ненавижу.

Иния затворила дверь, закрыла дневные глаза и открыла ночной, тот, что находился высоко во лбу, там, где начинались рога. То, что она при этом ощутила, напоминало дуновение теплого воздуха, долетевшее от кипящей кастрюли. Тунюк более не растворялся в сумерках, тепловые полосы помогали ей различить очертания его нескладного долговязого тела.

Подойдя к столу, Иния уселась напротив Тунюка, подперла голову ладонями и слегка трянула рогами, так, что висевшие на них амулеты тихонько зазвенели.

– Я должна тебе кое-что сказать. Передай отцу своего гнезда, что сегодня вечером реза ул-Бентуран намерена вступить с ним в непримиримый спор. Так что пусть будет к этому готов.

– Не буду я ему ничего передавать, – проворчал Тунюк. – Дела лорда Обиджена меня никак не касаются. И в любом

случае у меня нет ни малейшего желания выслушивать рассуждения о том, что мне необходимо найти пару и построить свое гнездо. Обиджен почему-то вбил себе в голову, что, если я буду жить отшельником, я утрачу драгоценный дар разговаривать с костями.

– Я вчера тоже получила свою порцию наставлений. Реза считает, что я должна из кожи вон лезть, чтобы избавиться от сродства с чернилами. Она уверена, это возможно.

– Конечно, возможно. Мы все добровольно избрали свой удел. – До слуха Инии долетело звяканье очередной бусинки, которую Тунюк опустил в крошечную коробочку.

– Кварц, – ухмыльнулся Тунюк. – И за что только Радир получает жалованье?

– Мне нужно идти в часовню, – сообщила Иния, однако не двинулась с места. Ей вовсе не хотелось просить Святую Килфит или Святую Аломалию вмешиваться в ее дела.

Тунюк испустил тяжкий вздох, и Иния услышала шорох листка бумаги. Мгновение спустя Тунюк коснулся ее руки, вручая листок, пальцы его были холодными и такими липкими, что едва не приклеились к ее коже.

Ее нервные окончания ощупывали каждый завиток чернил; казалось, строчки испугались, ощутив ее близость.

Чувствовать, видеть, осязать. Ни одно из этих слов не подходило здесь полностью. Иния сама не могла определить, что происходит, когда чернила пульсируют под ее пальцами, пробуждая воспоминания о скрипе пера, открывая на-

мерения писавшего и рассказывая о месте, где он находился. Это был запрос, официальная форма, заполненная уверенным почерком главного архивиста, с короткими примечаниями, сделанными торопливой рукой Амадеи. Сажа, входившая в состав чернил, напоминала о пологих холмах Семиллы, о виноградниках, тронутых заморозками. У Инии слегка защипало в носу от запаха дыма и виноградных листьев, высушенных солнцем.

Она вспоминала о городах, прежде располагавшихся в каньоне, вспоминала о затерянных подземельях, в которых обитали святые. Вспоминала о том, чего никогда не видела собственными глазами. Иния вздрогнула и пошевелила пальцами ног в башмаках. Ее сознание все глубже и глубже тонуло в чернилах, она ощущала, как слова соскальзывают со страницы и ползут по ее пальцам, залезая под ногти. Иния не пребывала в полном слиянии, и потому границы между нею и чернилами не размывались полностью. Она оставалась собой, чернила оставались чернилами, несмотря на то что все ее существо ощущало родство с ними. Но степень слияния была безопасна, хотя и не приносила ей настоящего удовлетворения.

Чернила наполняют рот, затекают в нос. «Мама, я люблю тебя, хотя и не могу сказать об этом сейчас. Но чернила не умеют любить. Мне очень жаль». Иния вскинула голову, отдернула руки от чернильных строчек и коснулась амулета Святой Эйслы. Глубокое удовлетворение могло ей по-

дарить только полное слияние, чреватое опасностями, грозящее крутым витком спирали. Хотя Иния часто думала о мученическом конце Святой Эйслы, самой ей ничуть не хотелось оказаться во власти спирали и потонуть в чернилах. Тем более что это не принесло бы ни малейшей пользы никому из живущих на земле.

– Твоя реза и правда думает, что ты способна овладеть иным сродством, если сама того захочешь, – донесся до нее голос Тунюка. – Способна умолить святые скелеты сделать тебя другой. В следующий раз, когда окажешься в ее обществе и она начнет свое занудство насчет краски, черных костей и песочных камней, просто-напросто пошли ее подальше.

– Это вряд ли возможно, – невесело усмехнулась Иния.

– Тогда это сделаю я, – решительно заявил Тунюк. – Все это старичье должно заниматься своими делами и не лезть в наши.

Иния покачала головой. Тунюк неисправим, подумала она, а вслух спросила:

– Как ты себя чувствуешь?

– А почему ты об этом спрашиваешь? – фыркнул он. – Потому что беспокоишься обо мне? Или просто из гнусного любопытства?

– Я о тебе беспокоюсь. Мы все о тебе беспокоимся.

Тунюк поднял голову от бусин. Теперь взгляд его сверкающих глаз был устремлен на Инию.

– Не вижу поводов для беспокойства. Все идет в полном соответствии с циклом. Спираль никого не затягивает вне расписания.

– Нет, это не так, – возразила Иния. – Да будет тебе известно, когда меня второй раз затянула спираль, это произошло совершенно неожиданно. – Девушка судорожно сглотнула. «Чернила наполняют рот, чернила затекают в нос», – пронеслось у нее в голове. – Ты здесь не один... и тебе ни к чему пребывать в печали и отчаянии.

«Я знаю, что это такое – чувствовать себя одиноким и потерянным», – мысленно добавила она и обхватила себя руками за плечи. Она вспомнила о пещере, в которой жила ее семья, пещере, где не было ни книг, ни чернил. Народ Орозханди никогда не имел сродства с ними. В родном доме никто не знал, что ей необходимо. Никто не знал, что страх и одиночество завладевают ее душой. Никто не знал, какими черными бывают угли на пепелище.

Но позднее реза Долита и родители Инии решили: хотя избирательное сродство, которым она наделена, кажется им странным и необычным, если оно влечет ее так сильно, ей следует отправиться в Имперский архив.

– Но я вовсе не пребываю в печали и отчаянии. Я давно с этим покончил, – заявил Тунюк и шумно выдохнул. – А ты помнишь, какие ощущения испытывала?

– Конечно, – кивнула Иния. – Ощущения были не из приятных.

– Да и возни много, – подхватил Тунюк, словно соглашаясь.

Но Иния догадывалась: на самом деле он вовсе с ней не согласен. Для того чтобы войти в спираль, не надо было прикладывать никаких усилий; это было невероятно легко. Легче, чем позволить огромной волне накрыть тебя с головой; легче, чем позволить глубокому омуту засосать тебя. Вырваться из спирали было куда труднее. Для того чтобы вновь оказаться в безумном мире, где ему сейчас вовсе не хотелось находиться, специалист должна была отчаянно напрягать свои умственные и физические силы.

– Надеюсь, что ты не хочешь войти в спираль опять, – пробормотала она. – Мне трудно представить, что у кого-то может возникнуть подобное желание.

– И все же у меня оно возникло, – возразил Тунюк. – Ты не представляешь, что я испытал.

– Конечно, не представляю. И все же надеюсь, ты откажешься от второй попытки.

Дверь распахнулась, впуслав в комнату яркий свет. Иния поспешно открыла дневные глаза.

– Тунюк! – воскликнула Амадея. – Ты здесь?

– Да, и Иния, как видите, тоже. Так что нет ни малейшей необходимости говорить мне, что...

– Превосходно, – перебила Амадея. Войдя в Хранилище Костей, она принялась зажигать лампы. Череп кролика болтался у нее на поясе.

Амадея пришла не одна. По пятам за ней следовал юноша, явно из тех, что не видят в темноте. Возможно, представитель народа Минсеон. На нем была простая длинная роба, темные блестящие волосы собраны на затылке в узел. Встретив его улыбку, Иния вновь коснулась соляного кристалла Святой Эйслы. Она не стала беззвучно молить о помощи и удаче, потому что не сомневалась – Святая Эйсла без слов знает, что помощь ее подопечной необходима.

– Это брат Сесквиллио. Он из ордена писцов Паремы, – представила незнакомца Амадея. Отцепив от пояса кроличий череп, она положила его на стол и протянула Инии стопку бумаг. – Он будет помогать тебе в работе, связанной с выполнением этого запроса. Кстати, он предпочитает, чтобы его называли Квилл. Я собиралась устроить ему небольшую экскурсию по архиву, но произошло нечто непредвиденное.

– Что именно? – вскинул голову Тунюк.

– Это связано с Зойфией, – отрезала Амадея. – Займитесь этими документами. Каждому из вас надо поработать с одной страницей, третья – для Биджана. Все прочее относится к бронзе. Боюсь, если я не вернусь в самом скором времени, с бронзой у нас могут возникнуть некоторые затруднения. Квилл, познакомьтесь с архивистом ул-Бентуран и архивистом ула Манко. Они введут вас в курс дела. Я отыщу вас, когда улажу возникшую проблему. И вот еще что... – Она повернулась к Тунюку. – Не вздумай снова пугать Радира этим дурацким черепом.

Амадея повернулась и направилась к дверям.

– У черепа есть имя! – крикнул Тунюк ей в спину. Он схватил череп и выпрямился. Даже сидя, Тунюк был выше писца Пареми. – Я зову его Бьорни, – с гордостью сообщил он Инии.

– Красивое имя. И очень ему подходит, – вмешался Квилл. – А ваше имя, как я понял, Манко? Это ведь означает, что вы состоите в родстве с лордом Обидженным?

Глаза Тунюка сузились, превратившись в узкие щелочки.

– Не волнуйтесь, – усмехнулся писец. – Моя семья так же весьма известна на родине, как и ваша. Я просто остановился у ула Манко, поэтому заинтересовался.

Иния решила разрядить обстановку.

– Меня зовут Иния, – представилась она. – А это Тунюк.

– Рад знакомству, – улыбнулся Квилл и тут же спросил, погасив улыбку: – А что произошло с Зойфией? То есть с архивариусом Кестустис?

– По-моему, подобное любопытство излишне, – отрезал Тунюк.

Квилла столь резкий ответ ничуть не смутил.

– Я просто интересуюсь. Когда мы сюда пришли, она себя прекрасно чувствовала. Она и мой приятель строили друг другу глазки, – добавил он тоном человека, выдающего величайший секрет.

– Дело в том, что Зойфия... – Иния осеклась. Объяснить, что такое слияние и какими опасностями грозит спираль,

было не так просто. – Она сейчас вынуждена заняться канцелярскими делами, а не работать в архиве, только и всего.

– Ей нельзя доверять никаких дел, потому что она свихнулась, – отчеканил Тунюк. – Возможно, сейчас она пытается залезть в какой-нибудь бронзовый щит.

– Тунюк! – с укором воскликнула Иния.

– С нами это бывает, – ухмыльнулся он.

Иния перелистала стопку страниц, которую вручила ей Амадея. Запрос на бронзу оказался в самом низу.

– А, понятно, – сказала она, помахав листком. – Зойфия строила глазки вашему другу, потому что она жутко тоскует по бронзе. Наверное, надеялась, что он передаст ей запрос. Видите ли, у нее избирательное сродство с бронзой. Она... она сейчас пребывает в состоянии слияния.

– Это означает... что ее затянула спираль? – вскинул брови Квилл.

Тунюк насмешливо фыркнул, а Иния вспыхнула. Людям трудно понять, что такое слияние и что такое власть спирали. Все это кажется им слишком жутким и в то же время неправдоподобным. Кто знает, что сейчас подумал этот симпатичный парень?

– Нет, нет, – поспешно возразила она. – Амадея не позволит ей войти в спираль. Сумеет ее удержать... Когда возникают проблемы подобного рода, Амадея просто незаменима.

Квилл вновь улыбнулся, на щеках его заиграли ямочки.

– Наверное, это здорово... иметь начальницу, которая

способна решить все проблемы.

– Она нам вовсе не начальница! – обиженно выпалил Тунюк.

Квилл, пропустив его слова мимо ушей, обвел комнату глазами:

– Это ведь кладовая, где хранятся изделия из кости, верно? А Часовня Святых Скелетов, она где-то рядом? Всегда хотел побывать там.

– Э... – нерешительно протянула Иния. Реза Долита велела ей помолиться святым скелетам, и, даже если бы она решила пренебречь этим распоряжением, посетить часовню все равно было необходимо, ибо молитва была лучшим способом обрести душевный покой. Но разве можно молиться в присутствии незнакомца, особенно если этот незнакомец на редкость привлекательный юноша из породы не видящих в темноте...

– Часовня сейчас закрыта, – заявил Тунюк. Врет, подумала Иния. Часовню никогда не закрывают. Тунюк, не глядя на нее, вытащил из стопки одну страницу. – К тому же я сейчас занят. В любом случае часовня – не лучшее место, с которого стоит начинать знакомство с архивом. Не надо беспокоить святых без крайней необходимости. Иния покажет тебе чердак и что-нибудь в этом роде. А сейчас идите отсюда оба.

Тунюк хотел ей помочь, думала Иния, вместе с Квиллом поднимаясь на верхний этаж. Но ей от подобной помощи нет никакого прока. Резу надо слушаться неукоснительно, даже

если она ошибается, даже если она не понимает, что происходит. Иния сознавала, что спорить об этом с Тунюком бессмысленно – как и с любым сотрудником архива, который не принадлежит к народу Орозханди.

С тех пор как Инии исполнилось тринадцать, она точно знала, что ей предстоит работать в Имперском архиве, который находится за тысячи миль от того места, где жила ее семья. Знала, что будет хранить и оберегать самые ценные документы в мире и за это ее тоже будут хранить и оберегать. Оказавшись здесь, она познакомилась с людьми, которые понимали, что это значит – разговаривать на языке, никому, кроме тебя, не известном. Но даже они не представляли, зачем молиться святым скелетам и как можно в полной темноте разглядеть жилку, пульсирующую на виске любимого человека. О ней заботились, но не так, как заботятся о члене своей семьи. Она догадывалась, что, глядя на нее, эти люди видят самих себя – такими, какими они были в юности. Робкими, неуверенными, зачарованными голосами архива, от которых голова шла кругом. Да, она слышала эти голоса, и это было важным преимуществом.

Но этого было ей недостаточно. Иния подозревала: другим архивистам тоже было знакомо это чувство.

Тревоги кружили вокруг нее, и круговерть их была столь плотной, что, только оказавшись на верхней площадке лестницы, Иния вспомнила, что ей следовало провести для Квилла экскурсию. Спohватившись, она резко повернулась и

взглянула на него.

Квилл, открыв рот от изумления, разглядывал высокий резной потолок.

– Святые и демоны, вот это красотища, – восхищенно выдохнул он.

– На потолке двенадцать муралов, – пояснила Иния. – Каждый посвящен какому-нибудь протекторату, плюс еще один, посвященный Объединенной Семилле. Муралы писали разные художники, и каждый из них был уроженцем... был уроженцем протектората, которому посвящен мурал. Точнее, страны, потом ставшей протекторатом. – Иния перевела дух и вгляделась в лицо своего спутника. Он действительно походил на представителя народа Минсеон, но имя Сесквиллио у этого народа не встречается. Когда дело касается людей, строить какие-либо предположения до крайности затруднительно, а зачастую просто бессмысленно. Ныне большинство людей обладает отличительными признаками разных народов. Некоторые из них интересуются своими предками, другие знать о них не желают. Есть и такие, что признают далеко не всех своих предков, но лишь избранных. Любопытно, как этот парень будет реагировать, если показать ему минсеонский мурал, изображающий Повелителя Гор? Придет в восторг или почувствует себя оскорбленным?

– Какой мурал ты бы хотел увидеть первым? – спросила она. – О каком тебе рассказать?

По губам Квилла скользнула растерянная улыбка.

– Ну... думаю, тот, который тебе нравится больше всего.

– Хорошо, – кивнула Иния. – Тогда иди сюда.

Они прошли мимо муралов, изображающих торжествующих богов, а также духов познания и мудрости. Квилл бросал на них любопытные взгляды, а Иния в глубине души надеялась – то, что предстанет перед его взором через несколько мгновений, поразит его намного сильнее.

– Мучения Святой Эйслы, – провозгласила она, указывая вверх.

Квилл, перегнувшись через перила, принялся разглядывать картину. Святая Эйсла, юная представительница народа Орозханди, стояла, широко открыв все три глаза. Длинные ее волосы рыжевато-медного оттенка рассыпались по плечам. За ее спиной возвышалась сверкающая арка Соляной Стены, и под нею – множество тел колдунов, наделенных сродством с солью и железом, и солдат, которые пали, сражаясь с подменышами. За стеной, которой предстояло стать гробницей Святой Эйслы и других мучеников, виднелось здание архива, одна из стен отсутствовала, дабы все могли увидеть святые скелеты Орозханди, пребывающие в надежном хранилище и украшенные драгоценностями.

Лицо и руки Святой Эйслы покрывала плоть, но платье ее, развеваясь, открывало грудную клетку, состоящую из изящных золотых ребер, за которыми билось соляное сердце. Нигде не единой драгоценности – ни на точеных ключицах, ни

на стройном стволе позвоночника, ни на изысканной раковине таза. Плоть Святой Эйслы, преобразившись, стала стеной, а кости ее были так прекрасны, что не нуждались в украшениях.

Иния почувствовала, как в горле у нее вспухает ком. Так было всегда, когда она оказывалась перед этой картиной.

– Ну и красотища, клянусь Повелителем Гор, – выдохнул Квилл.

Иния с трудом удержалась, чтобы не поморщиться. Раз он так клянется, значит, все-таки ощущает себя представителем народа Минсеон. Надо было сначала показать ему соответствующую картину, а потом уже вести к Святой Эйсле. Но что сделано, то сделано.

– Когда работа над этим муралом только начиналась, он был четвертым, – пояснила она, указывая на Святую Эйслу. – Но когда его закончили, он оказался шестым. Два других завершили раньше этого, ибо он потребовал весьма кропотливого труда. Его создали два художника, оба – искусные мастера и знатоки. Знатоки золота и краски.

Иния хотела объяснить, какие различия существуют между краской и чернилами, но, пока она решала, как сделать этот доступнее, Квилл заговорил сам.

– Невероятно, – протянул он, задумчиво глядя на картину. – Ведь все это создавалось... по горячим следам. Когда художники писали эту картину, Соляная Стена только что была возведена.

– Да, художники лично знали Святую Эйслу, – кивнула Иния. – Тому есть немало свидетельств.

Теперь настал черед Квилла проглотить вспухший в горле ком.

– Я даже представить этого не могу. Встретиться лицом к лицу с ордой подменышей. Принести себя в жертву, не зная, изменит ли это хоть что-нибудь. – Помолчав несколько мгновений, он повернулся к Инии: – У меня есть друг, его зовут Каримо. Он невероятно умный и готов до бесконечности рассуждать о философии, правоведении и о том, что именно благодаря законам мы можем считать себя разумными существами. Но знаешь, когда речь идет о подобных вещах... Нет никаких законов, которые могли бы их предотвратить. А если это так, можно ли утверждать с уверенностью, что порой мы не ведем себя подобно подменьям?

По коже Инии пробежали мурашки.

– Не знаю, – пробормотала она. – Но, полагаю, именно по этой причине Братство Бдительных всегда начеку.

– В точности то же самое говорит Каримо, – улыбнулся Квилл. – Он уверен, что все ордена – Братство Бдительных, Паремии, Золотые Облаты, Братство Единой Мудрости и все прочие – обеспечивают нашу безопасность, благоденствие и процветание. – Он вновь устремил взгляд на стену. – Святая Эйсла... ее скелет сейчас в часовне?

– Нет, – покачала головой Иния. – Она замурована в Стену.

– Понятно, – кивнул Квилл.

– Я бывала в ее гробнице, – сообщила Иния. – Два раза. – Пальцы ее сами собой потянулись к амулету. – У нас в каньоне свои святые, святые есть и у семей, и каждого из нас. Святая Эйсла – моя покровительница. Она родом из того же каньона, что и моя семья.

– Поэтому она так на тебя похожа, – вновь расплылся в улыбке Квилл. Иния неожиданно смутилась, залилась румянцем и с трудом выдавила из себя:

– Спасибо.

– А тебе доводилось когда-нибудь встречать живых святых? – задал очередной вопрос Квилл.

– Среди тех, кто живет сейчас на земле, никаких святых нет, – пожала плечами Иния и, вспомнив, что ее собеседник не принадлежит к народу Орозханди, добавила: – Если ты имеешь в виду колдунов, принадлежащих к человеческой породе, такого я однажды видела. Его звали Ахкерфи Медный. Когда я была маленькой девочкой, он приходил в наш каньон. Подарил мне вот это.

Она схватила один из амулетов, болтавшихся на ее рогах, и положила его на ладонь, чтобы Квилл мог рассмотреть его как следует. То был крохотный медный цветок с семью лепестками, сделанный весьма искусно. Иния помнила, как колдун взял маленький слиток меди, и, не успела она глазом моргнуть, этот цветок расцвел в его пальцах.

Народ Орозханди верил: дар родственной магии, который

дается от рождения, – великий дар и того, кто им обладает, можно считать святым. Но на чужаков, тех, кто пришел издалека, они смотрели, как на опасных чудовищ. Их или заключали в тюрьмы, или пытались использовать как оружие. Ахкерфи Медный был странником, который нигде не задерживался надолго, ибо он мог говорить с медью и слышать, что она говорит ему в ответ.

– Он сказал, этот цветок называется горечавка, – сообщила Иния. – Он вовсе не выглядел безумным. Говорил он мало, но со мной был добр и приветлив.

Квилл не сводил с крохотного цветка глаз. Внезапно Иния осознала, что он придвинулся к ней почти вплотную.

– Какой красивый, – выдохнул Квилл, и щеки девушки вновь залились румянцем.

– Я знаю, сейчас на земле живут и другие колдуны, – затараторила она, чтобы скрыть смущение. – Иост Шерстяной, который бродит высоко в горах. Джодашир Соляной, который обитает где-то на берегу моря. Фастреда Стеклянная, та, насколько мне известно, сейчас в Арлабекке, в Имперской тюрьме. Я участвовала в лотерее, где призом была встреча с Фастредой, но не выиграла...

Голос ее гулко разносился под расписными сводами чердака. Когда они осмотрели все росписи, Иния решила спуститься вниз, туда, где хранилась коллекция бронзы.

– Я тебе глаза выколю! – долетел до них голос Зойфии, когда они проходили по коридору.

– О... – растерялась Иния. – Мне следовало... Может, ты хочешь осмотреть зал, где хранятся изделия из драгоценных камней, или...

– Ведьма! Попробуй только! – услышала она зычный мужской голос. «Ставио», – догадалась она. Называет Зойфию ведьмой. «О нет!»

– Дело в том... – пробормотала она, лихорадочно обдумывая пути к отступлению. Квилл не должен был видеть сотрудников архива в столь плачевном состоянии. – Нам сейчас нельзя... здесь находиться...

Но было уже поздно. В дальнем конце коридора появилась Амадея. Одной рукой он толкала перед собой Зойфию, другой тащила Ставио. Зойфия, казалось, вот-вот взорвется, ее белокурые волосы едва не испускали искры, мускулы напряглись под тонкой кожей.

Ставио выглядел более спокойным, он безропотно тащился за Амадеей, низко склонив голову. Выше пояса Ставио выглядел как представитель человеческой породы, причем весьма привлекательный, мускулистый и упитанный. Гладкая оливковая кожа, блестящие черные волосы – все, как положено человеку. Однако вместо ног у него, как у всех представителей народа Аштабари, были пятнистые щупальца, причем целых восемь. Все эти щупальца беспрерывно извивались и шелкали самым раздражающим образом.

Стоило Инии увидеть эту парочку, все ее нервы натянулись как струны, словно ее магические способности, почуяв

близость иных магических способностей, ожили и пришли в боевую готовность. Она старалась не смотреть на облако наэлектризованных волос Зойфии и бешеную пляску щупальцев Ставио. Нужно было разглядеть, какого цвета глаза у них обоих – только по цвету глаз она могла судить об их состоянии. Иния сделала шаг вперед, ибо хотела заслонить странное зрелище от Квилла и не могла противиться притяжению чужого дара.

– Думаешь, ты самая умная? – гремел Ставио. – Думаешь, тебе ничего не стоит проникнуть в запертое помещение?

– При чем тут я! Это ты пытался открыть дверь! Хотел выполнить запрос Кирацци. Только ничего у тебя, подлеца, не выйдет!

– Никто из вас не должен был приближаться к этим дверям, – ровным невозмутимым голосом произнесла Амадея. В отличие от своих подопечных, взъерошенных, покрасневших и измятых, Амадея, как всегда, была сурова и безупречна – если не считать выбившейся пряди черных волос, свисавшей вдоль щеки. – Не важно, кто пришел туда первым. Важно, что вы оба оказались там, где вам быть не следовало. Вы оба хотите выполнить запрос, но это невозможно, ибо вы оба отстранены от работы до той поры, пока не закончится период слияния. – Она повернулась к Ставио: – Когда мне в последний раз приходилось тебя изолировать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.